

для себя решает. Вот опять же пример – Чемакин. Ему все равно, где работать и жить. Ему комфортно здесь, потому что здесь нужнее его идеи. В принципе, Тюмень не самый худший вариант для художественной деятельности. К тому же за последние лет 15 ситуация изменилась таким образом, что самые интересные, самобытные идеи появляются чаще в провинции, тогда как в столицах (Москва, Петербург) происходит выравнивание с Западом, и особо оригинального там ничего не появляется.

Беседу вела Т. И. Борко

ОЛЬГЕРА
ИСАЕВИЧ
УСМИНСКИЙ

ЧТО ТРЕВОЖИТ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В статье рассматриваются некоторые аспекты и случаи того, что можно определить как деинтеллектуализацию или маргинализацию лингвистической науки. Под вторым явлением понимается уже сформированное отношение к научной деятельности как к чему-то предельно облегченному, не требующему использования строгих знаний, выверенных алгоритмов исследования и непротиворечивых типологий.

По недавнему выражению профессора А. А. Зализняка, в последнее время языковедческая наука испытывает весьма сильное давление того, что называется *иррационализмом*...

Корректность известнейшего ученого не позволила ему выразиться более резко (круто) по отношению к «научным изыскам» некоторых деятелей от науки, но достаточно мягкое определение все-таки обозначило довольно удручающие явления, сильно и часто «проступающие» в языковедческой сфере в последние 15–20 лет.

С временным отрезком мы не оговорились: было бы совершенно неправильно рассматривать *маргинальный негатив* в качестве следствия переломного времени перестройки и постперестроечных реалий российской жизни. Маргинальный компонент проявлялся и в отечественных гуманитарных науках, хотя в более далекие времена его, так сказать, *MODUS VIVENDI* был в основном скрытым (*latent*), осуществлялся в весьма ограниченных проблемных ситуациях, когда носители традиционной научной парадигмы оказывали сопротивление действительно новым и вполне здравым идеям и методам — сопротивление настолько жесткое, насколько и некорректное по сути новых проблем и научных аспектов. Сказанное можно, например, отнести, к структурализму и математической лингвистике. Беспорядочное использование терминов «система» и «структура» для небольшого числа языковедов (впрочем, и литературоведов!) оказалось неизмеримо более удобным, нежели опора на четкие дефиниции или таксономические позиции. В лучшем случае «система» и «структура» использовались как незамысловатые синонимы, причем часто с дежурным добавлением: «Структура — более широкое понятие». Метатеза приведенных понятий была вполне — до оскомины — привычной: «Система — более широкое понятие». Кстати, такой «спасательный круг», простительный разве что студентам младших курсов, — надежный показатель того разряда маргинальности, который заключается в постоянном уклоне-

нии от представления базовых понятий концепции в элементарной системной «связке», которая подразумевает уровни, типологическое подразделение (ветвление), фиксацию причинно-следственных отношений.

Доходило до абсурда. Однажды, в ходе лингвистического семинара в ТГУ (1982 г.), получив в очередной раз упрек типа «структурализм — это тупик», один из нас решил, учитывая явную ангажированность одного оппонента марксистской идеологией, использовать именно марксистское определение из предисловия «К критике политической экономии» (1859 г.): «Совокупность производственных отношений составляет экономическую структуру общества». Но не только сама цитата, но и точная ссылка на том и страницу произведения впечатления не произвели. Ответ прозвучал так: «Ничего подобного Маркс не писал».

Явно не для научного диалога создавалась теория ступенчатой семантической идентификации (проф. Э. В. Кузнецова). Названный автор под ступенчатой идентификацией понимал «способ выявления наиболее обобщенных вербальных манифестаторов семантических компонентов значений». Что ж, можно, конечно, согласиться с правом на существование *интегрального* подхода к семемам (значениям) и семам (микросмыслам), когда даже минимальные семантические единицы — семы, не имеющие плана выражения, равны количественно семемам (значениям) и словам (манифестаторам). Но, во-первых, стоит обратить внимание на результаты такой идентификации именно с точки зрения установления реальных компонентов.

Первый пример:

Скупить — закупить многое, все;
закупить — купить в большом количестве;
купить — приобрести за деньги;
приобрести — получить в собственность;
получить — взять, что дают;
взять — получить в свое распоряжение.

Второй пример:

Выловить — извлечь из жидкой среды;
извлечь — достать изнутри;
достать — взять откуда-либо;
взять — получить;
получить — взять.

Здесь проявилось два удивительных момента. Первый: идентификация закончилась тем, что семантически равными оказались... два антонима, «*взять*» и «*получить*»! Даже если в них есть общие семы, это не меняет структурного отношения между ними, как не могут изменить антонимического отношения значений «плохо» и «хорошо» общие семы «*качество*» и «*оценка*» («*оценочность*»). Второй момент: каждый раз (и не только в приведенных примерах!) идентификация начиналась с периферийных элементов (то есть слов-манифестаторов) лексико-семантического поля, потому что начало идентификации со слов-центров любого поля не давало возможности продемонстрировать «возможности» ступенчатой идентификации. Так как концепция этого анализа базируется на непременном использовании словарей и помещенных в них словарных дефинициях, непременное обращение в начале идентификации именно к периферийным полевым элементам (а не к элементам поля, полученным, скажем, методом случайной выборки, и — конечно же! — не к центральным полевым элементам) — такая научная «принципиальность» — выдает апологетов ступенчатой идентификации с головой: декларируется непременное обращение к словарям и словарным дефинициям, но начало анализа осуществляется интуитивно. Интуитивное нахождение удобных для дальнейших операций элементов поля — типичный прием малозаметной под-

мены концептуальной позиции трюком, внесистемным переходом на «ручное управление». Правила «научной игры» меняются быстро: ведь случайное или неслучайное начало идентификации со слов-центров полей, а не с периферийных полевых компонентов не позволяет, как правило, использовать следующие «ступени идентификации».

Ровно 20 лет назад разгорелись острые дискуссии в отношении «Русского семантического словаря», главным создателем которого стал профессор Ю. Н. Караулов. Сама по себе научная дискуссия — абсолютно нормальное явление в любой познавательной сфере, однако в данном случае участники обошли своим вниманием несколько интересных моментов, примечательных не только в научно-познавательном аспекте. Как известно, лексико-семантические поля, по Ю. Н. Караулову, могут устанавливаться с помощью уже упомянутых в нашей статье словарных дефиниций, причем два слова, которые получают дефиниции, оказываются в одном семантическом поле, в их дефинициях есть сходные компоненты. Таким образом, компонент (словоформа) в дефиниции слова-дескриптора расценивается как сема, семантический первоэлемент. Совпадение сем двух слов и определяет принадлежность слов (значений) к одному полю.

Но на первый взгляд здравая идея на практике была самым решительным образом опровергнута: реально полученные на основе предложенного Ю. Н. Карауловым метода семантические поля ничего, кроме недоумения, вызвать не могут. Например, семантическое поле АВИАЦИЯ оказалось «укомплектованным» такими элементами, как: *дорога, камера, магазин, печатать, фотографировать, записать, магнитофон (?), моряк (??), подводник (??), касса (???)*, *матрос, фотоаппарат...* Но среди элементов этого же поля не оказалось: *эскадрильи, элерона, штурмовика, виража, «мертвой петли», бомбардировщика, пике, фюзеляжа, шасси*, а также массы других элементов, которым вроде бы пристало обеспечить названное поле. И поэтому истинная научная дерзость звучит в предисловии к словарю, составленному его авторами: «Некоторые стороны понятия получают здесь более или менее развернутую характеристику...» Куда уж больше! Характеристика понятия АВИАЦИЯ развернулась до кассы и матроса — о штурмане и киле можно и не упоминать...

Практически в каждом поле, в каждой семантической статье «Русского семантического словаря» обнаруживаются не менее удивительные «расширенные характеристики» понятия и отсутствуют, казалось бы, совершенно очевидные полевые элементы.

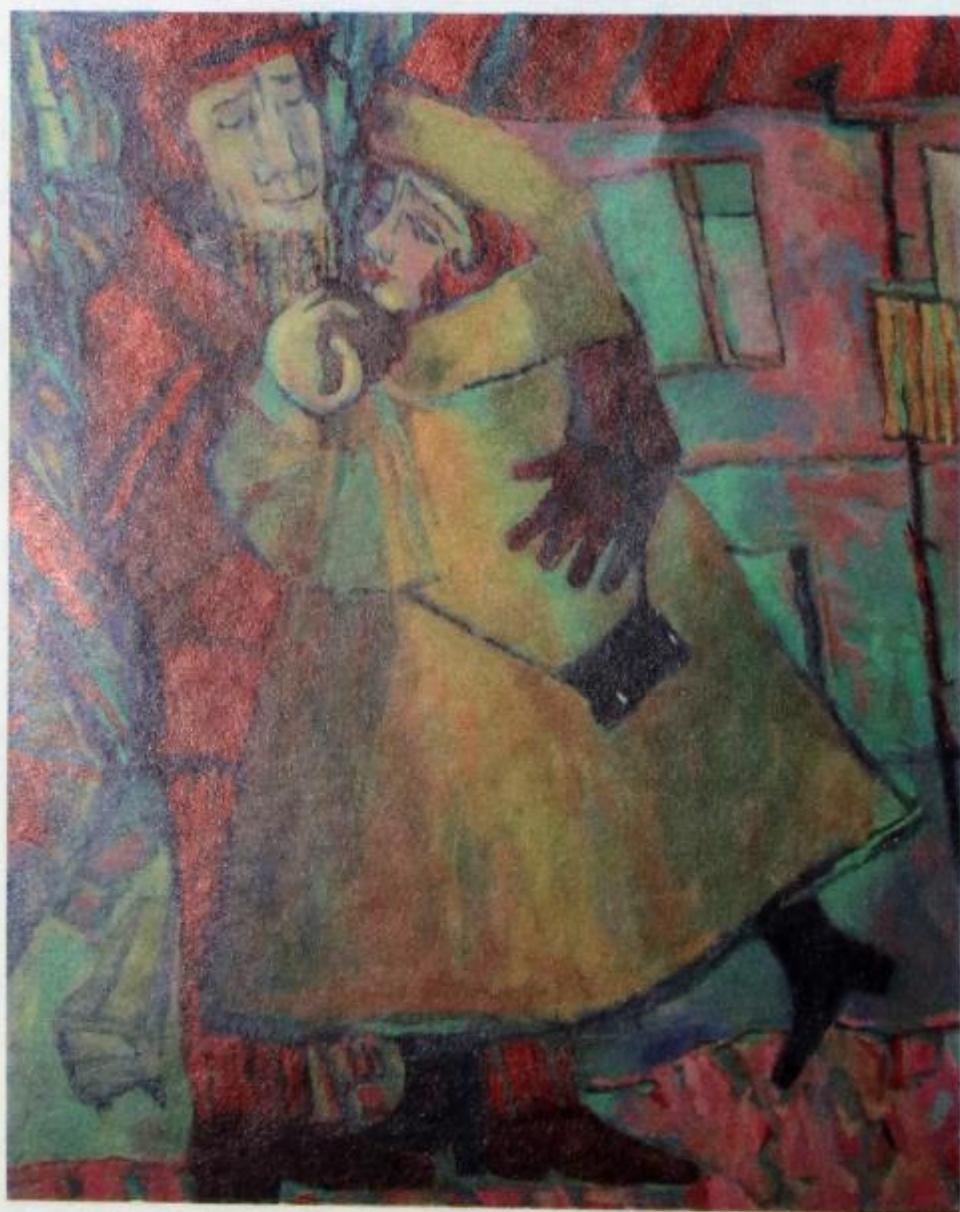
К сожалению, оплошности словаря не получили самокритичной оценки. Например, несостоятельность концепции оценивается так: «...Ощущение неконцентрированности содержательного раскрытия понятия усиливается...». На той же странице дается и более «глубокое проникновение» в причины отдельных (так представлялось авторам «Словаря») неудач: «Та самая полисемия, которую «гнали в дверь», при конструировании тезауруса <...> снова «влетает в окно». И даже намек нет на два принципиально различных подхода к семемам и семам — *интегрального* и *дифференциального*. Именно в научной ситуации использования словарных дефиниций *интегральное* понимание равного количества значений (слов-манифестантов) и сем (микросмыслов, составляющих значение) не могло не привести к полной, безоговорочной неудаче. *Интегральное* понимание сформулированной проблемы — это применение молекулярного подхода к явлениям в той ситуации, когда остро необходим атомный (атомизированный) подход. Опыт создания «Русского семантического словаря» — это примерно то же самое, как если бы химики в один предметный ряд или в один класс химических объектов поместили бы порох и колбасу. Почему? Да потому, что в порохе и колбасе содержится селитра. С таким же успехом родственниками бы стали некоторые типы тор-

тов и сигарет: и в тех, и в других содержится мед. Молекулярный подход может дать в той же химической сфере результаты, не уступающие результатам «Русского семантического словаря».

Но тут интересно и другое (и это «другое» мы понимаем как «во-вторых»). Не сомневаюсь, что первые результаты составления «Словаря» показали, что базовая концепция страдает очень серьезными недостатками. Видимо, научный алгоритм следовало пересмотреть и только после его «доводки» снова запускать механизм составления этих полей — возможно, уже не на основе *интегрального* понимания сем и семем. Но авторы не остановились ни на 50-м, ни на 200-м поле. На 564 страницах было составлено 1564 поля. Содержание предпоследнего поля ЯСНОСТЬ включает, помимо прочего, элементы *склад, резкий, статный, раздаться, популярный, верность, нестись...* Это, тем не менее, далеко не худшее поле.

В последние 7–8 лет весьма громко заявляет о себе так называемая *когнитивная лингвистика*. Мы позволили себе определение «так называемая» уже потому, что официальный атрибутив «когнитивная», как часть любой дефиниции, не только утверждает что-либо, но и отрицает. То есть, используя термин «когнитивная лингвистика», мы вправе предполагать, что существует и некая некогнитивная лингвистика. Однако если обратиться к исконному значению латинского вербального оригинала, то придется признать, что определение «когнитивная» обозначает: «познающая» или «познавательная лингвистика». Выходит, что до возникновения этого научного направления языковедение являлось некогнитивным по определению...

Наивная вера в слово, в какой-то новый и, тем более, модный термин — верный признак судорожных попыток приобщиться к науке на уровне терминологических ритуалов: речь идет

Ю. Новик. СЪИДАНИЕ

прежде всего о примкнувших к модному течению без какой бы то ни было теоретической базы, без минимально значимого опыта научной работы. А в «высших эшелонах» редукция науки проявляется в декларативности положений, в их несвязности, асистемности.

Обратимся к одному из программных документов отечественной лингвистической когнитологии — статье Е. С. Кубряковой в «Вопросах языкознания» № 4 за 1994 год.

Ключевые положения когнитивной лингвистики перечислены четко и доступно, однако их содержательность и непротиворечивость вызывают сомнения.

Положение первое: «Убеждение в том, что, описывая когнитивные способности человека, предполагают существование особого уровня

ментальных репрезентаций, который надлежит изучать в известном отвлечении от его биологических и нейрологических особенностей, с одной стороны, и от социальных и культурологических — с другой».

Здесь что ни фраза — то, словами А. П. Чехова говоря, «тонкие намеки на толстые обстоятельства». Кодекс лингвистической когнитологии (по Е. С. Кубряковой) начинается с того, чем, в принципе, должен заканчиваться после стройной системы доказательств: эмоциональным оптимистическим убеждением. Но никаких доказательств нет, и поэтому приходится (вместо системной «привязки» когнитологических алгоритмов и методики) делать еще более тонкий намек на какой-то *особый уровень ментальных репрезентаций*. В чем заключается его особенность, суть этого самого уровня *ментальных репрезентаций*, — ни слова не сказано. Как он соотносится с лексическим, синтаксическим уровнем или уровнем сверхфразовых единств — непонятно. Но сказано главное: это — *особый уровень*. И вроде бы всем все должно быть ясно.

Кроме того, позволим себе напомнить, что подавляющее большинство лингвистов и так работают в *отвлечении от нейрологических и биологических аспектов*.

Далее. Само определение *известное* очень хорошо демонстрирует стремление когнитологов-лингвистов избегать научной определенности и точности, не опираться, но прятаться за размытыми, изначально неточными определениями. То, что называется «ломиться в открытую дверь», здесь явлено в полный рост: а какая, позвольте спросить, строгая онтологическая методика в языкознании обязана учитывать биологические, нейрологические, социальные и культурологические особенности носителей языка? Даже как-то неловко напоминать, что все экстралингвистические факторы к внутренней, глубинной лингвистике отношения не имеют.

Положение второе: «Признание центральной роли электронных компьютеров для понимания устройства человеческого разума; компьютеры считаются при этом не только незаменимым средством проведения целого ряда специальных исследований, но и служащими моделью функционирующего мозга».

Абзацем выше выдвигался постулат об *известном отвлечении* передового лингвистического учения от нейрологических и биологических особенностей, и буквально абзацем ниже выдвигается тезис о моделировании работы мозга с помощью компьютеров и необходимости понимания устройства человеческого разума.

И, конечно, просто-таки умиляет восхищение когнитолога компьютерными возможностями и преданность ученого современной оргтехнике. В прежние времена бытовало выражение: «А это уже — вообще в пользу бедных!». Если нечего сказать по существу вопроса, почему бы не высказаться (предельно тривиально и поверхностно) о знаковом явлении эпохи? Скажи — не промахнешься... В самом тезисе, кстати, нет ни слова о лингвистических задачах или методе: экивок в сторону нейрологии и компьютеров выглядит самодостаточной ценностью.

К слову сказать, аналогия между принципами работы человеческого мозга и принципами работы компьютера откровенно некорректна: компьютерные алгоритмы базируются на правилах формальной логики, а мозг человека формальную логику использует ограниченно, его функции в огромной степени базируются и на интуиции, что чуждо компьютеру по определению.

Третье положение: «Стратегически и методологически (в американской КН) считается возможным отвлекаться от некоторых факторов, которые, несомненно, воздействуют на когнитивные процессы, но включение которых в программу исследования повлекло бы за собой ее чрезвычайное усложнение (в первую очередь это эмоциональные, исторические и культурологические факторы)».

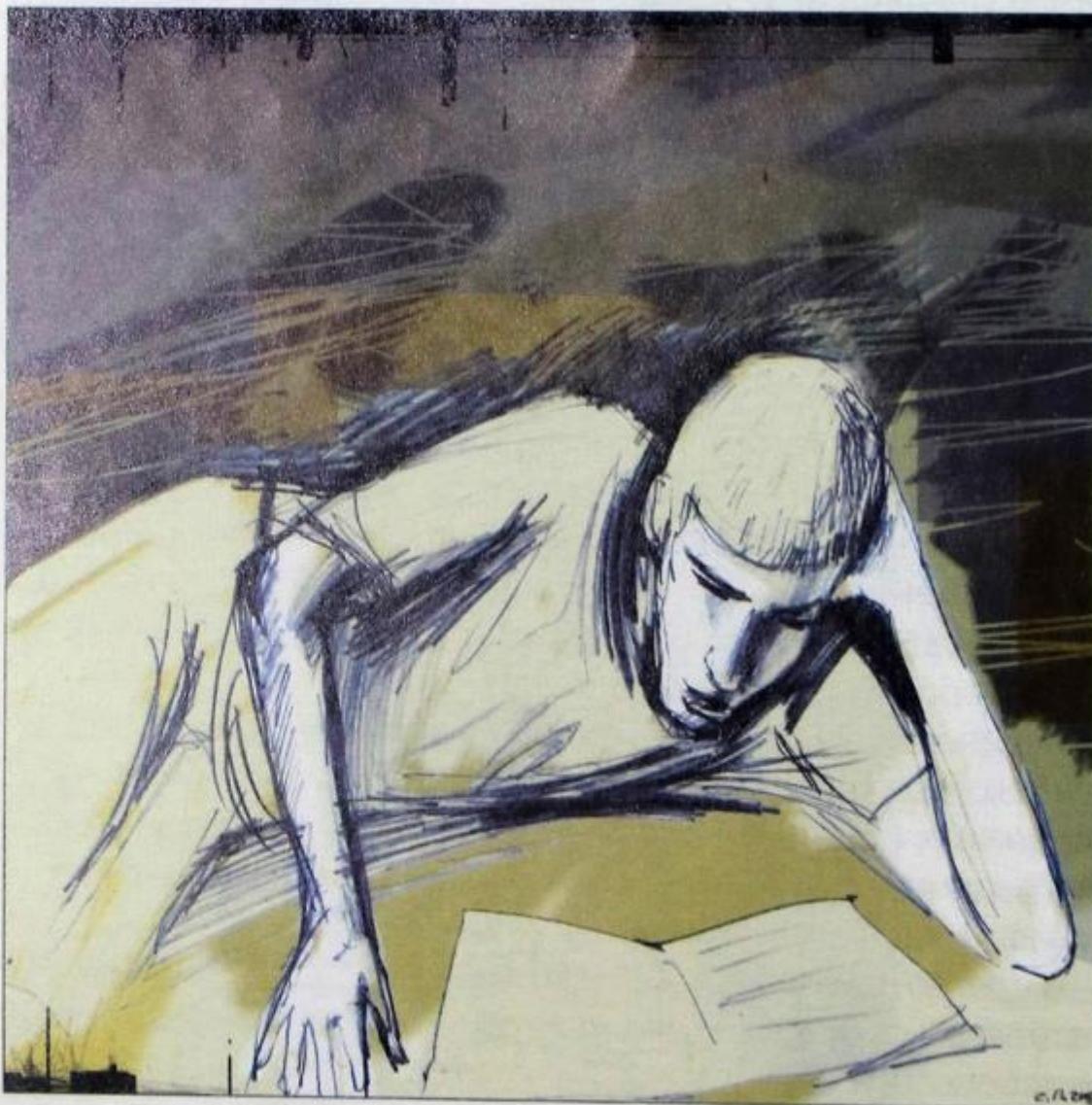
В этой статье что ни положение, то — как естественная реакция читателя со здоровым смыслом и элементарной теоретической базой — целый каскад вынужденных вопросов. Что означает «стратегически и методологически»? В чем заключается отличие между этими обстоятельствами научного поиска? Почему факторы, от которых надо «отвлекаться», не определены более точно? И где те факторы, учет которых в рамках научного исследования обязателен? Нам изначально предлагают не учитывать *нечто*, в то время когда еще не предложено учитывать *что-то*. Звучит таинственное предупреждение о некоторой методологической опасности и фактически ничего не сообщается о конкретных, алгоритмически организованных методах исследования, которые позволили бы преодолеть эту опасность.

Приведенное выше третье положение никак не соотносится с тезисами, которые Е. С. Кубрякова высказала в этой статье. Цитируем: «Место лингвистики в когнитивной науке не может быть правильно понято без понимания других ее связей, а потому, предваряя освещение вопроса о том, как вписывается когнитивная наука в чисто лингвистические проблемы, представим некоторой упрощенной схемой сложную связь когнитивной науки с другими отраслями наук. Схема фиксирует главные задачи когнитивной науки и ее составляющие, призванные внести свой вклад в осуществление той интегрирующей программы, которая мыслится сегодня как основание когнитивной науки».

Сразу скажем, что в приведенной схеме обещанные задачи просто не отражены, но это вряд ли вообще возможно и необходимо по отношению к такой позиции научного жанра, как задачи. Вместо задач в схеме перечислены области знания, среди которых — именно те, от которых Е. С. Кубрякова настоятельно рекомендует отвлекаться. Вот элементы этой «схемы»: теория информации, информация и математическое моделирование, биология, медицина, психология, информация о мире в знаковых системах, семиотика, лингвистика, компью-

теры, философия, логика. Остается удивляться, как из этой схемы выпали теория шахматных дебютов и основы гинекологии.

Четвертое положение: «Вера в междисциплинарный характер программы когнитивной науки и возможность в отдаленном будущем выработать концепцию такой единой науки, внутри которой границы между прежними дисциплинами будут стерты». Но именно здесь хотелось бы напомнить, что даже по дисциплине «Введение в языкознание», кото-

С. Пашкина. БРАТ

рая читается на первом курсе филологических факультетов, студенты обязаны усвоить не менее 500 новых для них терминов, что оказывается совсем не простой задачей для подавляющего большинства первокурсников. Естественное развитие любой из наук — это, помимо всего прочего, и непрерывная внутренняя дифференциация ее ветвей, направлений, специализаций. Смешение предметов исследования, методологическая и терминологическая эклектика продолжают оставаться бичом, видимо, всех гуманитарных наук.

Впрочем, четвертое положение профилактически отмечено религиозностью, которую нельзя не уважать: «*Вера в междисциплинарный характер...*». В самом деле: при чем здесь логика, если есть вера?

Уникально завершение всех этих положений: «*Когнитивная наука — это не столько наука с точным представлением об объектах, которые она пытается анализировать, сколько «зонтиковый» термин, покрывающий собранные под «зонтиком» дисциплины...*».

Такая оценка «когнитивного метода» предельно удивляет: многословное постулирование принципиально новых научных горизонтов заканчивается сверткой, методологическим «схлопыванием», так как скатывание к признанию «зонтикового термина» вместо минимально строгих определений и положений и признание того, что языковедческий когнитивизм не имеет точного представления об объектах, «которые он пытается (!) анализировать», вряд ли служат доказательством реальности научного направления.

Ненаучность проявляется и в игнорировании языковой или речевой практики, подтверждающей истинность того или иного теоретического положения, постулата. Ю. А. Левицкий приводит рассуждение Л. Н. Засориной и Е. С. Кубряковой о порождении речевой фразы и комментирует это таким образом: «...Описывая в русском языке форму *столам* <...>, мы можем подойти к данной форме по-иному, сказав, <...> что она представляет собой процесс преобразования последовательности {СТОЛ} + {дат. п. мн. ч.} в *стол- + -ам* → *столам*» [Кубрякова]. Просто и гениально! Следовательно, если я намерен сказать *Шторы подходят к окнам*, я должен сообразить, что мне нужен именно дательный падеж множественного числа, а чтобы образовать эту форму, я должен последовательность {ОКН} + {дат. п. мн. ч.} преобразовать в *окн- + -ам* → *окнам*. А как быть с теми «людьми» (а их — большинство), которые «падежов не знают»? Как же они ухитряются «образовывать» формы, не зная, ни что такое основа (корень), ни что такое аффикс (флексия)? А ведь они говорят вполне правильно. При этом утверждается, что «... преобразования элементов языка носят спонтанный характер, они составляют необходимое условие нормальной речевой деятельности. Носители языка неосознанно и постоянно совершают преобразования в процессе коммуникации» [Засорина]. Надо полагать, что автор неоднократно **наблюдал**, как носители языка совершают эти самые преобразования. Однако другие авторы никогда ничего подобного **не наблюдали**. Бодуэн де Куртене отмечал: «Никто никогда не видел, как /г/ слова *нога* переходило в /ж/ слов *ножек, ножка*. Никому никогда не удавалось подметить «выпадения» или «исчезновения» гласного /о/ слова *лоб* в словах *лба, лбу* <...>».

Именно такая надуманность проявляется у целого ряда отечественных авторов в отношении «генеративной грамматики» Н. Хомского. Читать и понимать — совершенно разные процессы. Ни на языке оригинала, ни в русском переводе доморощенные «интерпретаторы» не разглядели четкого и более чем важного концептуального зернышка этого учения, а именно: вся теория трансформационной или порождающей грамматики посвящена языковой синтаксической компетенции, языковому синтаксическому полю, парадигматике потенциальных синтаксических типов, но отнюдь не порождению высказывания в реальной речевой ком-

муникации. Но если нет понимания теории после поверхностного ознакомления, почему бы не «додумать» хотя бы за того же Н. Хомского? Не обеднеет старик.

Некорректность может начинаться с путаницы терминов, продолжаться — эклектикой и несогласованностью тезисов в границах декларируемой теории, заканчиваться — откровенным бредом, не имеющим ничего общего даже с простыми научными парадигмами или первоначальным введением в языкознание. Несколько лет назад в одном из сборников тезисов довелось познакомиться со следующим откровением представителей от когнитологии: «Термин «текст» интерпретируется более углубленно и применяется для обозначения просто внешней физической стороны любого языкового применения, следовательно, наименьшими текстами являются означающие морф (морфема), слово (словоформа)». Итак, «углубленное» понимание текста заключается, во-первых, в лишении его всяких смыслов и общей семантики: ведь это теперь — «*просто внешняя физическая сторона любого языкового применения*»! Во-вторых, уровни в языке или речи сейчас попросту не актуальны: в самом деле, если морфема или морф являются текстом, утрачивается принципиальная разница между текстом «Войны и мира», с одной стороны, и постфиксом -ся в таких, скажем, словах, как *издеваться* или *глумиться*, — с другой.

Наверное, не меньшее умиление вызовет — и это будет «в-третьих» — сочетание «означающие морф». Тут уже вообще невозможно понять, о чем, собственно, идет речь: то ли о звуковом манифестанте элемента, то ли о еще одном, внешнем знаке, который означает морф.

Вряд ли позволительно недооценивать опасность «разнаучивания» науки. Ведь в конце такого «пути» — потеря всех и всяческих ориентиров относительно истины/ложности постулатов, корректности/некорректности методов, валидности/невалидности типологий.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

КОНСТАНТИН
МИХАЙЛОВ

ИЗБРАННОЕ. СТИХИ И ПРОЗА

Кратчайшее биографическое эссе с элементами психоанализа

Михайлов Константин Аголеевич. Родился в г. Тюмени 12 августа 1964 года. Имеет высшее медицинское образование и специализацию врача-психиатра.

Какого-либо литературного образования нет, творчество носит интуитивно-инстинктивный характер и осуществляется, в основном, во время спонтанно наступающих состояний измененного сознания (спонтанная психоделия) или в период депрессии.

Пишет стихи и прозу — лет с четырнадцати. С самого начала тяготеет к жанру религиозно-философского трактата. Работая в этом направлении, создал в 1990–93 гг. поэму в прозе «Рудра», которую опубликовал в журнале «Лукич» Ю. Мандрики. Там же, в «Лукиче», два или три раза печатал подборки стихов (1996–2000 гг.). Есть две или три книги — одна из них также издана Мандрикой, остальные — самиздатовские. Как видим, выходов в свет было немного и те случайные. Таким образом, тексты этого автора представляют из себя суший набор раритетов.